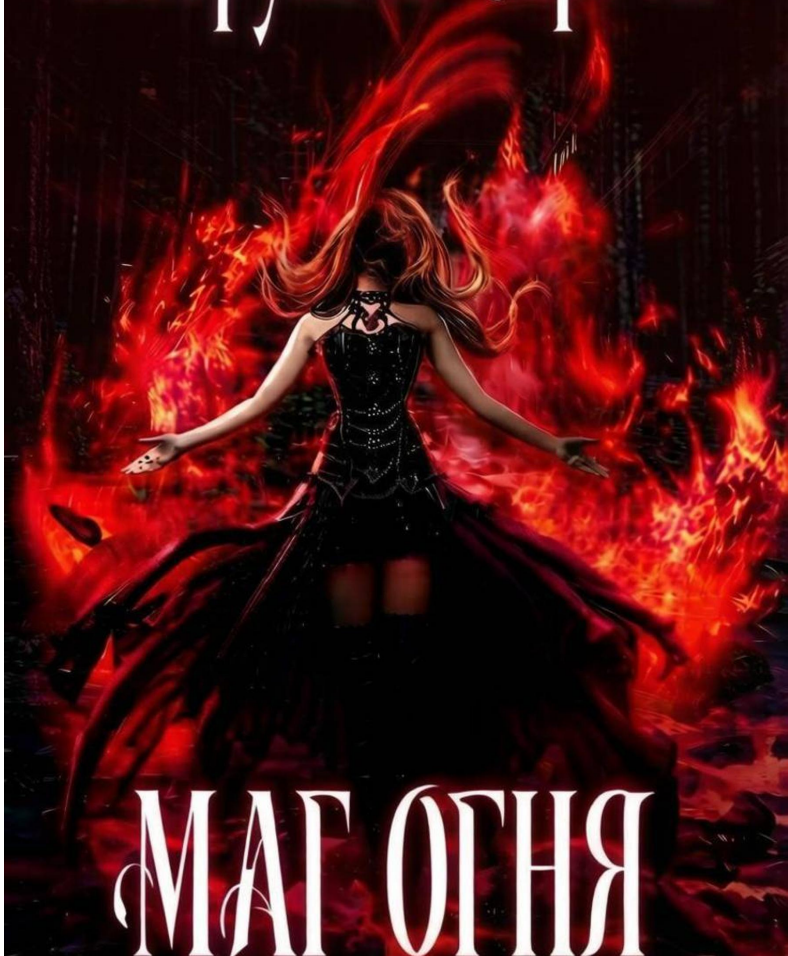

Патрушев Сергей

МАГ ОГНЯ

Сергей Патрушев

Маг огня

<https://litres.ru/74565584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Белла ди Фальконе не просто графиня, а живое оружие, изменённое магией Пепельных пустошей. Путь от скучающей аристократки до Регента Империи вымощен пеплом врагов. Когда с Востока надвигается армия Каменного Цветка с легендарными магами и големами, способными пить магию, Белла понимает: обычной сталью их не остановить.

Она сжигает города, подчиняет разбойников и заключает сделку с древним Хаосом, чтобы стать щитом для трусливой знати. Но какую цену придётся заплатить, когда для победы нужно стать страшнее самой угрозы? Это история о власти, боли и огне, который не греет, а испепеляет.

Содержание

Глава 1. Роза в огне	4
Глава 2. Тени зависти	25
Глава 3. Договор с купцом	44
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Патрушев

Маг огня

Глава 1. Роза в огне

Зал Гильдии Искателей в столице Империи, Астаре, в это хмурое октябрьское утро напоминал растревоженный улей. Под высокими сводами, с которых свисали закопченные знамена давно забытых кампаний, гудели голоса сотни наемников, авантюристов и боевых магов. Воздух дрожал от сдерживаемой агрессии и запаха дешевого эля. Мужчины — плечистые, покрытые шрамами, с руками, привычными к тяжести двуручных мечей и эфесам боевых посохов — сбивались в группы. Они обсуждали контракты, делили доли и поглядывали на огромную, высеченную из цельного куска обсидиана доску объявлений.

На вершине этой доски, под самой притолокой, мерцала единственная карточка.

Рубиновый кристалл, вживленный в ее основание, пульсировал ровным, гипнотическим светом. Ранг: «Эпоха». Сложность: «Смертельная». Оплата: право на дворянский лен и мешок императорских драконов, способный обеспечить безбедную жизнь трем поколениям. Цель: не указана. Лишь координаты Пепельных пустошей на самом краю из-

вестного мира и приписка каллиграфическим почерком личного секретаря Императора: *«Требуется тот, кто способен удержать пламя»*.

Уже третий час самые отчаянные головы Империи пытались эту карточку снять.

Первым попробовал Гром-Шрам, ветеран Северной войны, чье лицо пересекал уродливый рубец от орочьей секиры. Он подошел к доске, крикнул, уперся ногами в каменный пол и потянул. Обсидиан даже не скрипнул. Гром побагровел, вздулись вены на шее, но доска стояла незыблемо, словно была частью фундамента дворца.

— Закреплено на крови Императора, — с кривой ухмылкой бросил кто-то из толпы. — Только равный по силе или крови снимет.

Следующим вышел Магистр Витус, глава кафедры стихий Академии, сухой старик в мантии, расшитой рунами. Он не стал применять силу. Он прошептал формулу, щелкнул пальцами, и с его ладони сорвался вихрь из ледяных игл, ударивший точно в рубиновый кристалл. Иглы со звоном рассыпались, не оставив на обсидиане и царапины. Кристалл лишь мигнул чуть ярче, поглотив магию.

— Механика древних, — констатировал Витус, брезгливо стряхивая с пальцев остатки инея. — Грубо, но эффективно. Нужен ключ.

Толпа разочарованно загудела. Ключ от заданий ранга «Эпоха» был мифом, о котором рассказывали в тавернах по-

сле седьмой кружки.

Именно в этот момент тяжелые дубовые двери Гильдии, обитые бронзовыми полосами, распахнулись.

Они не открылись — их отшвырнуло в стороны, словно от удара тарана. Ветер с улицы ворвался в зал, принес с собой запах мокрого камня и гниющих листьев Темноводной реки.

На пороге стояла она.

В первый момент зал замолчал не от страха, а от чистого, незамутненного эстетического шока.

Белла ди Фальконе. Двадцать четыре года. Официально — графиня, вдова павшего при невыясненных обстоятельствах генерала, неофициально — призрак, которым пугали нерадивых чиновников и зарвавшихся баронов.

Она не шла. Она плыла над грязным каменным полом, и казалось, что серый туман столицы расступается перед ней. На ней было платье цвета запекшейся крови — тяжелый бархат, который в тусклом свете магических сфер казался почти черным, но при каждом шаге вспыхивал глубоким, опасным багрянцем. Корсаж был затянут так туго, что подчеркивал осиную талию, но ткань не скрывала, а лишь намекала на скрытую под ней сталь мышц. Длинные, до пояса, волосы цвета воронова крыла были собраны в небрежный узел на затылке, из которого выбилось несколько прядей. Они обрамляли лицо, способное свести с ума поэта и заставить полководца ошибиться в расчетах наступления.

У нее была улыбка. Широкая, открытая, почти детская, с

очаровательной ямочкой на левой щеке. Она улыбалась каменной кладке, пыльным знаменам, испуганному лицу юного писаря за стойкой регистрации.

Но глаза...

Ее глаза цвета штормового моря не улыбались. В их серой, стальной глубине не было ни капли женского кокетства. Там плескался холодный, математический расчет хищника, оценивающего территорию. Когда ее взгляд скользнул по Магистру Витусу, старик инстинктивно отступил на шаг. Когда он прошелся по Гром-Шраму, ветеран, способный голыми руками свернуть шею медведю, почувствовал, как по спине пробежал предательский холодок.

Белла остановилась в центре зала. Она медленно, демонстративно сняла тонкие лайковые перчатки, обнажив изящные, но сильные кисти с коротко стриженными ногтями.

— Джентльмены, — ее голос прозвучал негромко, но обладал странной акустической особенностью: он заполнил собой весь огромный зал, перекрыв гул сотни глоток. — Вы загораживаете мне обзор. И, кажется, ломаете мою доску.

Она кивнула на обсидиановую плиту.

Гром-Шрам, уязвленный тем, что женщина назвала его неудачу «поломкой», взревел. Традиции Гильдии требовали поставить на место любую выскочку, а уж тем более — расфуфыренную аристократку.

— Посторонись, милая, — пророкотал он, делая шаг вперед. Его тень накрыла Беллу. — Когда взрослые дяди рабо-

тают, девочкам стоит сидеть в будуаре. Эта игрушка не для твоих нежных ручек.

Белла даже не повернула головы. Она лишь слегка повела бровью.

Вокруг Гром-Шрама воздух на мгновение сгустился, потяжелел, а затем невидимый пресс ударил ветерана сверху вниз. Это не была магия в привычном понимании — не было ни пассов руками, ни светящихся рун. Это было чистое, неприкрытое давление воли. Титан Северной войны, человек, переживший три магических прорыва, рухнул на колени, как подкошенный. Его доспехи жалобно заскрежетали, вминаясь в каменные плиты пола. Он пытался вдохнуть, но невидимая петля стягивала его грудную клетку.

— Я не просила вас вставать на колени, — все так же мягко продолжила Белла, наконец поворачиваясь к нему. Ее милая улыбка стала чуть шире, обнажая кончики белых зубов. — Я просила отойти. Вы оглохли от старости или просто дурно воспитаны?

Она щелкнула пальцами.

С Гром-Шрама словно содрали невидимый панцирь. Воздух со свистом ворвался в его легкие. Ветеран закашлялся, хватая ртом пыль, и на четвереньках пополз в сторону, в спасительную толпу, которая теперь молча расступалась перед графией, образуя идеальный коридор к доске.

Белла подошла к обсидиану. Она не стала тянуть его или бить заклинаниями. Она просто приложила ладонь прямо

поверх рубинового кристалла.

Толпа затаила дыхание.

Кристалл под ее пальцами налился нестерпимым, белым светом. По черной поверхности камня зазмеились тонкие, светящиеся линии, складываясь в сложный геометрический узор. Это длилось не более трех секунд. Затем раздался звук, похожий на хруст ломаемого стекла, хотя обсидиан остался цел. Карточка контракта с мягким шелестом выскользнула из пазов и упала прямо в подставленную ладонь Беллы.

Она подула на нее, смахивая несуществующую пыль, и убрала за вырез корсажа.

— Благодарю за помощь, господа, — мурлыкнула она, обводя взглядом зал. Мужчины опускали глаза. — Если кому-то из вас оторвало руки в процессе попытки снять карточку — не стесняйтесь, Гильдия оплатит целителя. Я оставлю записку казначею.

Она развернулась, собираясь направиться к выходу, но тяжелые двери снова распахнулись.

На этот раз они не ударились о стены. Они открылись медленно, беззвучно, и в зал шагнула сама Смерть в человеческом обличье, облаченная в черный военный мундир без знаков различия.

Император.

Он был высок, но не казался гигантом. Его присутствие давило не физически, а сущностно. Казалось, само время в зале замедлило свой бег. Его лицо, изрезанное глубокими

морщинами, было лишено эмоций, но глаза — пронзительные, выцветшие от старости и бремени власти — смотрели на мир с пугающей ясностью. За его спиной, как тени, замерли двое преторианцев в глухих шлемах, но они были лишь декорацией. Император не нуждался в защите.

Зал Гильдии рухнул на одно колено. Грохот доспехов и сапог сотряс своды. Даже Белла, забравшая контракт ранга «Эпоха», на мгновение замерла.

Но она не опустилась на колени.

Она лишь склонила голову в безупречно выверенном поклоне — ровно настолько, чтобы соблюсти этикет, но недостаточно низко, чтобы признать над собой чью-то власть.

Император прошел мимо преклоненной толпы, не глядя по сторонам. Его шаги эхом разносились под сводами. Он остановился в трех шагах от Беллы.

— Графиня, — его голос был лишен возраста, он звучал как шелест осенних листьев по брусчатке. — Вы снова делаете это. Вы приходите в свинарник, чтобы найти жемчужину, и удивляетесь, почему вокруг грязно.

— Доброе утро, Ваше Величество, — Белла выпрямилась, и ее улыбка снова стала той самой, обезоруживающе милой. — Я не ищу жемчужин. Я ищу проблемы, которые мои ленивые генералы отказываются решать. Кажется, сегодня я нашла одну в Пепельных пустошах.

Император перевел взгляд на ее руку, все еще лежавшую на обсидиановой доске.

— Древняя магия крови не должна подчиняться женщине, — задумчиво произнес он. — Тем более — женщине, которая не носит на пальце перстня Академии. Вы снова используете свой... врожденный талант, Белла?

— Я использую то, что дала мне природа, сир, — она пожала плечами, и тяжелый бархат платья колыхнулся. — Если мои таланты оскорбляют законы магии, возможно, законам магии стоит стать чуть более гибкими.

В зале стояла мертвая тишина. Никто не смел дышать. Магистр Витус, стоя на коленях, смотрел на них с ужасом и жадным научным любопытством. Использовать чистую волю как отмычку для древней механики — это было за гранью понимания классической школы.

Император позволил себе тень улыбки. Это было страшнее любой угрозы.

— Пепельные пустоши — это не просто проблема, — тихо сказал он, наклоняясь чуть ближе. Теперь их разговор был интимным, предназначенным только для двоих, несмотря на сотни свидетелей. — Это пробоина. Ткань реальности там истончилась настолько, что скоро мы начнем терять патрули не в боях, а просто переставая их видеть. Они будут уходить за холм и исчезать из этого мира.

— Значит, мне нужен будет хороший картограф, — безмятежно ответила Белла. — И крепкие сапоги.

— Вам понадобится нечто большее, — Император выпрямился. Его взгляд стал тяжелым. — В тех координатах, что

указаны в контракте, находится алтарь. Древний, как сами горы. Он сдерживает то, что рвется наружу. Алтарь гаснет. Если он погаснет, Пепельные пустоши поглотят сначала южные провинции, а затем и Астару. Вам предстоит не убить чудовище, графиня. Вам предстоит стать топливом.

Белла медленно достала карточку из-за корсажа. Она повертела ее в пальцах, глядя на мерцающий рубин.

— Стать топливом — это звучит как работа для дешевого наемника, сир, — она подняла на него свои стальные глаза. — Я предпочитаю быть огнем.

Она не спрашивала разрешения. Она констатировала факт.

Император долго смотрел на нее. В его взгляде не было отцовской нежности, хотя по слухам, гулявшим при дворе, Белла была его тайной дочерью, плодом мимолетной страсти с одной из южных принцесс. В его взгляде было нечто иное — удовлетворение полководца, нашедшего идеальный клинок для самоубийственной, но необходимой атаки.

— Огонь сжигает и своего хозяина, — напомнил он.

— Значит, я просто хорошо прогорю, — улыбнулась Белла.

Она обошла Императора, даже не подумав ждать его ухода, и направилась к дверям. Толпа, все еще стоявшая на коленях, ошарашенно расступалась. Белла ди Фальконе шла сквозь них, и бархат ее платья оставлял на грязном полу невидимый след, пахнувший озоном и гарью.

Она вышла на улицу, под холодный осенний дождь.

Астар встретил ее свинцовым небом и шумом тысяч жизней, копошащихся в каменном мешке столицы. Белла остановилась на широких ступенях Гильдии, запрокинула голову и позволила ледяным каплям смешаться с ее разгоряченной кожей.

Пепельные пустоши. Алтарь, который гаснет. Стать топливом.

Император был мастером недомолвок. Он не сказал главного: алтарь гас, потому что кто-то методично вытягивал из него силу. И этот «кто-то» был достаточно силен, чтобы играть с первобытной магией на границах Империи.

Белла раскрыла ладонь. На ней лежала карточка контракта. Рубиновый кристалл в ней больше не пульсировал. Он горел ровным, яростным, кровавым огнем, вторя цвету ее платья.

Она сжала кулак, превращая древний пергамент в пыль.

— Что ж, — прошептала она в серое небо, и ее улыбка стала хищной. — Пойдем посмотрим, как ярко умеет гореть роза.

Дорога до южных рубежей заняла десять дней.

Десять дней тряски в закрытом экипаже, который, вопреки статусу графини, не был обит бархатом и золотом. Внутри было голое дерево, крепления для оружия и тяжелый запах кожи и оружейной смазки. Белла не брала с собой пышную

свиту. Ее сопровождал лишь один человек — Ивар.

Он ждал ее у конюшен Гильдии, когда она вышла под дождь.

Огромный, как медведь-гризли, с плечами, способными закрыть дверной проем, и лицом, которое, казалось, высекли из камня тупым топором. Глубокий шрам пересекал его левую щеку, уродуя и без того суровую внешность. Ивар был ее тенью, ее щитом и, если потребуется, ее палачом. Он не был магом. Он был чем-то более редким — абсолютным оружием, выкованным в пограничных конфликтах, где выживание зависело не от силы заклинаний, а от скорости удара топором и умения сломать шею голыми руками.

— Мы едем на юг, — сказала она ему тогда, даже не поприветовавшись. — На сколько юг? — прохрипел он, сплевывая табачную жижу в лужу. — До самого края, где земля превращается в пепел. — Надолго? — До тех пор, пока не перестанем гореть.

Ивар молча кивнул, забросил на плечо гигантскую секиру и пошел следом за экипажем пешком. Он мог ехать верхом, но Ивар предпочитал чувствовать землю под ногами.

Первые дни пути прошли в тишине. Белла почти не спала. Она сидела в полумраке экипажа, скрестив ноги, и смотрела в крошечное слюдяное оконце. Она не читала книг и не вела дневников. Она работала. Ее работа заключалась в том, чтобы слушать. Она слушала Империю. Для большинства дворян магия была инструментом. Искусством. Набором фор-

мул, жестов и редких ингредиентов. Для Беллы магия была океаном, в котором она плавала с рождения. Она не черпала силу извне, она *была* ею. Там, где Магистр Витус видел потоки эфира, Белла видела кровеносную систему мира.

И эта система пульсировала тревогой. Чем дальше на юг уходил экипаж, тем тяжелее становился воздух. На пятый день пути пожелтела трава. На седьмой — листья на придорожных дубах стали хрупкими и серыми, осыпаясь черным пеплом от малейшего прикосновения.

— Граница близко, — пробасил Ивар, заглядывая в оконце на очередной остановке. Его лицо осунулось, под глазами залегли тени. Даже его стальная психика ощущала давление пустошей.

Белла вышла из экипажа. Здесь не было дождя. Небо над головой было затянуто низкой, рваной пеленой грязно-желтого цвета. Солнца не было видно уже третьи сутки. Ветер дул постоянно, и он нес с собой не запахи леса, а сухую, мертвую пыль, скрипевшую на зубах. Южный форпост «Последний рубеж» встретил их зияющими провалами бойниц. Стены, сложенные из черного базальта, были покрыты копотью. Гарнизон — две сотни имперских легионеров — выглядел так, словно они неделю не вылезали из боя. Комендант форпоста, седой как лунь полковник с выжженным на лице магическим клеймом, встретил ее на плацу. Он попытался отдать честь, но его рука дрожала.

— Графиня ди Фальконе? — голос полковника был со-

рван. — Мы не ждали вас так скоро. И мы не ждали вас... лично.

— Полковник, у нас мало времени, — Белла обвела взглядом выцветший, умирающий горизонт. — Покажите мне алтарь.

— Он в трех милях отсюда, в Мертвой лощине, — полковник махнул рукой в сторону серых холмов. — Но миледи... Мы потеряли там две разведывательные группы за последние сутки. Твари пустошей перестали бояться света. Они лежат даже днем.

— Твари меня не интересуют, — отрезала Белла. — Меня интересует источник. Где маги Академии? Почему они не стабилизируют алтарь?

Полковник нервно оглянулся на свои укрепления, словно боясь, что камни услышат.

— Академики ушли, миледи. Все трое. Старший магистр сошел с ума на вторую ночь. Начал выцарапывать себе глаза и кричать, что внутри алтаря «кто-то стучит». Второй просто исчез во время медитации. А третий... — полковник сглотнул. — Третий просил передать Императору, что огонь больше не греет. Он сказал, что алтарь пьет их.

Белла сняла перчатки и протянула руки вперед, ладонями вверх. Она закрыла глаза. Ветер, несущий пепел, ударил ей в лицо, но она не шелохнулась. Она потянулась разумом. Сначала — к земле под ногами. Базальт форпоста был мертв, он звенел от накопленной боли и пролитой крови. Затем —

дальше, за стены, через Мертвую лощину. Обычный маг почувствовал бы там лишь холод и эманации смерти. Белла почувствовала ритм.

Это было похоже на огромное, изъеденное болезнью сердце. Оно билось. Редко, тяжело, с перебоями. *Тук... тук...* Пауза. *Тук...* И с каждым ударом оно вытягивало тепло из окружающего мира. Но под этим ритмом, под гаснущей жизнью алтаря, Белла нащупала вторую нить. Чужую. Искусственную. Кто-то сидел на этом умирающем сердце, как пиявка, и методично высасывал остатки силы, перенаправляя их куда-то далеко на восток.

— Они не просто гасят его, — Белла открыла глаза. Ее зрачки сейчас казались двумя осколками обсидиана, в которых отражалось желтое небо. — Они его доят.

— Миледи, идти туда — самоубийство, — хрипло сказал полковник. — Там нет магии. Заклинания гаснут в трех шагах от лощины. Мечи тупеют. Люди сходят с ума от тишины.

— Ивар, — Белла даже не повернула головы к своему спутнику. Гигант шагнул вперед, поигрывая секирой. — Да, госпожа. — Ты боишься смерти? Ивар на секунду задумался, почесав шрам. — Боюсь, госпожа. Боюсь подвести вас, когда она придет. — Разумно, — кивнула Белла. Она перевела взгляд на полковника. — Полковник, прикажите своим людям открыть ворота. И принесите мне вина. Красного. Самого крепкого, что у вас есть.

— Вино? В преддверии Пустошей? — опешил комендант.

— Огню нужно топливо, — усмехнулась Белла, и в этой усмешке не было ничего человеческого. — А мне нужно, чтобы кровь бежала быстрее.

Мертвая лощина выглядела как рана на теле земли. Земля здесь была не серой — она была абсолютно черной. Спекшаяся, остекленевшая от немыслимого жара, который когда-то бушевал здесь. Ни единой травинки, ни одного камня. Только гладкое, хрупкое стекло, хрустящее под сапогами. Белла шла впереди. Ивар отставал на три шага, прикрывая спину. Полковник и десяток его лучших солдат остались у границы лощины, глядя им вслед с суеверным ужасом. Чем ближе они подходили к центру, тем сильнее менялась физика. Звук исчез. Не стал тише — он просто перестал существовать. Хруст стекла под ногами не отдавался эхом. Секира Ивара, которой он задел выступ базальта, издала беззвучный удар. Воздух стал густым, как вода, и двигаться в нем приходилось, преодолевая сопротивление.

Белла остановилась. Алтарь возвышался перед ними. Это был не камень. Это был монолит из чистого, прозрачного, как слеза, материала, похожего на застывшее время. Внутри него бился сгусток пламени. Но это был не огонь. Это был свет, настолько плотный, что казался жидким. Он пульсировал в такт умирающему ритму, и с каждой пульсацией по поверхности монолита пробегали трещины.

А на вершине алтаря, скрестив ноги, сидел человек. Он

был одет в простые серые одежды монаха. Бритая голова, спокойное лицо, тонкие пальцы, лежащие на коленях. Он медитировал. Белла сделала шаг вперед. Ее сапог из тисненой кожи опустился на черный стеклистый пол.

Человек-монах открыл глаза. Они были абсолютно белыми, без зрачков.

— Ты не должна была прийти так быстро, Роза, — его голос прозвучал прямо в голове Беллы, минуя уши. Звука по-прежнему не было. — Император обещал мне еще неделю.

— У Императора плохо с планированием, — голос Беллы тоже прозвучал ментально. — А у меня аллергия на ожидание. Кто ты?

— Я — Смотритель, — ответил монах. — Я держу дверь.

— Ты не держишь, — Белла подошла еще ближе. Она чувствовала жар, исходящий от алтаря, но он не обжигал ее, а, наоборот, успокаивал, словно тепло домашнего очага. — Ты воруешь. Дверь гаснет, потому что ты качаешь силу в Резервацию.

Белые глаза монаха на мгновение сузились.

— Ты видишь потоки. Это редкий дар. Опасный. Он сжигает носителя.

— Значит, мы с тобой в чем-то похожи, — Белла улыбнулась. Той самой милой, открытой улыбкой, от которой у мужчин в Гильдии подкашивались колени. — Ты тянешь силу из алтаря. Я — из себя самой. Вопрос лишь в том, кто сторит первым.

Она протянула руку. Монах вскинул свои белые глаза к небу и рассмеялся беззвучным смехом.

— Глупая девчонка. Ты думаешь, твоя воля сильнее законов первозданного Хаоса?

Он щелкнул пальцами. Черное стекло вокруг алтаря взорвалось. Оно не превратилось в осколки. Оно стало жидкостью. Мириады острых, как бритва, черных капель взвились в воздух, закручиваясь в вихрь. Этот вихрь не имел ничего общего с обычным торнадо. Он был направлен не на разрушение, а на стирание. Каждая капля несла в себе заклинание полного небытия.

Ивар взревел, хотя рева не было слышно. Он шагнул вперед, закрывая госпожу своим телом. Его секира описала дугу. Лезвие, зачарованное лучшими рунными кузнецами Империи, должно было разрубить магический конструкт. Секира встретила с первой волной капель. Металл не зазвенел. Он просто исчез. Сталь, мифрил, руны — все превратилось в ничто за долю секунды. Тяжелое лезвие просто перестало существовать. Ивар по инерции шагнул вперед, и черная взвесь коснулась его наплечника. Кожаная броня с металлическими вставками осыпалась серым прахом, не коснувшись тела.

Гигант остался стоять в одной нательной рубашке, сжимая в руках пустой воздух. Белла не шелохнулась. Она шагнула прямо в центр черного вихря. Капли небытия коснулись ее платья цвета запекшейся крови. Тяжелый бархат не превра-

тился в прах. Он вспыхнул.

Пламя рванулось вверх, мгновенно охватив фигуру Беллы. Но это не было пожаром. Это было рождение сверхновой. Огонь не жрал ткань — он *становился* ею. Багровый бархат исчез, сменившись живой, пульсирующей плазмой. Волосы Беллы, собранные в узел, рассыпались, превратившись в корону из чистого белого огня.

Она стояла в центре вихря, пожирающего материю, и улыбалась. Пламя лизало ее кожу, но на щеках играл лишь здоровый румянец.

— Ты воруеть силу у камня, — ее голос теперь звучал как гудение кузнечного горна, пробиваясь сквозь ментальную тишину. — А я и есть сила.

Она сжала кулак. Пространство вокруг алтаря не взорвалось. Оно застыло. Черные капли небытия замерли в воздухе, словно мошки в янтаре. Вихрь осыпался на стеклянный пол серой пылью. Белла сделала еще один шаг. Воздух сгустился настолько, что при каждом ее движении по лощине проходила невидимая ударная волна. Монах-Смотритель побледнел. Его белые глаза впервые за столетия моргнули от страха.

— Ты... ты нестабильна, — прошептал он в головах. — Ты — неконтролируемый реактор. Если ты откроешься полностью, ты снесешь не только лощину. Ты снесешь половину континента.

— Я знаю, — кивнула Белла. Пламя вокруг нее стало гу-

ще, принимая форму гигантских, хищных лепестков. Роза в огне. — Именно поэтому мы с тобой договоримся.

— О чем? — прохрипел Смотритель. Пот тек по его лицу, хотя жара от алтаря должно было хватать, чтобы испарить его на месте.

— Ты сейчас же прекратишь откачивать энергию. Ты вернешь в алтарь все, что украл. А взамен... — Белла наклонила голову, и огненная роза на ее плечах качнулась, готовая к броску. — Взамен я не стану тем самым реактором, о котором ты сейчас подумал. Я не сожгу этот мир, чтобы спасти его. Я просто заменю собой батарею.

— Это убьет тебя! — выкрикнул монах. — Ты не выдержишь первозданного Хаоса! Твое сознание растворится!

— Мое сознание растворяется от скуки в столице уже пять лет, — огненная фигура шагнула вплотную к монаху. — Подвинься, святой отец. У меня контракт ранга «Эпоха». И я намерена его выполнить.

Белла ди Фальконе положила пылающую ладонь на холодный, прозрачный монолит алтаря. В ту же секунду Мертвая лощина перестала быть тихой. Раздался звук. Это был не грохот. Это был звук самой реальности, которая с треском натянулась до предела. Огненная роза на плечах графини раскрылась полностью, и столб чистого, белого пламени ударил из ее макушки прямо в небо, пробивая желтые облака.

Алтарь ответил.

Жидкий свет внутри монолита взревел и рванулся вверх, встречая пламя Беллы. Графиня закричала, но это был крик экстаза, а не боли. Она чувствовала, как немислимая, древняя мощь вливается в ее вены, выжигая в ней человеческое, оставляя лишь чистый принцип. Принцип Огня. Она становилась дверью. Она становилась засовом.

Смотритель-монах рухнул на колени, закрывая лицо руками. Он смотрел, как имперская аристократка, улыбчивая графиня с ямочкой на щеке, принимает на себя вес умирающего мира, и понимал, что Гильдия Искателей сегодня увидела в зале не просто высокомерную даму. Они увидели Бога, который решил немного поиграть в человека. Белла открыла глаза. Они больше не были серыми. В них плескалось белое солнце. Она убрала руку от алтаря. Пламя на ее плечах медленно улеглось, вновь превращаясь в багровый бархат.

— Контракт выполнен, — хрипло сказала она, глядя на свои ладони. Кожа на них была цела, но светилась изнутри мягким золотым светом. — Дверь заперта.

Она обернулась к Ивару. Гигант стоял на коленях, прижимая к груди обрубок древка от секиры, и плакал — беззвучно, содрогаясь всем своим огромным телом. Не от страха. От того, что он остался жив, когда по всем законам физики должен был исчезнуть. Белла подошла к нему, опустила в черную стеклянную пыль и положила свою все еще теплую, светящуюся руку ему на плечо.

— Вставай, — тихо сказала она. — Нам нужно вино. И

новые сапоги. Мне кажется, мои немного оплавилась.

Она поднялась и посмотрела на юг, за горизонт, где в тысячах миль отсюда лежала Астара. Где в своем дворце сейчас сидел Император, наверняка уже знающий о вспышке. Белла улыбнулась. Огонь внутри нее больше не жег. Он грел. И этот жар обещал столице очень, очень интересные времена.

Глава 2. Тени зависти

Астара никогда не спала. Даже глубокой ночью, когда осенний дождь смывал с брусчатки остатки дневной суеты, столица лишь меняла ритм. Грохот кованых сапог городской стражи сменялся тихим шелестом шелка и бархата, а запах угля и навоза уступал место ароматам сандала, розового масла и дорогого табака. Зимний дворец Императора сиял.

С холма, на котором возвышалась цитадель власти, было видно, как тысячи окон заливают мокрую ночь жидким золотом. Сегодня давали Большой Осенний Бал — событие, которое закрывало светский сезон и открывало сезон политических интриг. Сюда съезжались все: от седых герцогов, чьи родословные уходили во времена до Великого Раскола, до юных баронов с окраин, чьи земли еще дымились от недавних пограничных стычек.

Белла ди Фальконе ненавидела балы.

Она ненавидела необходимость часами стоять неподвижно, пока камеристки затягивают корсеты, превращая тело в хрупкую фарфоровую куклу. Ненавидела фальшивые улыбки, в которых зубы обнажались чаще, чем искренняя радость. Ненавидела запах воска от тысяч свечей и липкую сладость пунша.

Но больше всего она ненавидела ожидание. Поэтому, когда ее экипаж, запряженный четверкой вороных коней, чьи

гривы были заплетены в косы с серебряными нитями, остановился у парадной лестницы, Белла вышла из него на сорок минут позже объявленного начала. Она не просто вошла. Она заняла пространство.

Ее платье сегодня было не багровым, а цвета расплавленного золота. Тяжелый шелк струился по фигуре, не скрывая, а подчеркивая каждый изгиб. Глубокое декольте было дерзким даже по меркам столичной богемы, но на коже Беллы не было ни единого следа недавней битвы в Пустошах — ни ожога, ни царапины, лишь ровный, матовый фарфор.

Но главным было не платье. Главной была ее свита. За ее спиной, соблюдая дистанцию в три шага, шли четверо мужчин. Они не были слугами. Это были львы, временно снявшие с себя корону, чтобы нести шлейф своей львицы. Справа шел Ивар. Он отказался от кожаных доспехов, но не от секиры. Его гигантская боевая подруга была отполирована до зеркального блеска, а лезвие инкрустировано платиной. Ивар был одет в черный бархат, который, казалось, трещал по швам на его плечах. Он двигался сквозь толпу, как ледокол, и придворные расступались, вжимаясь в стены, чувствуя первобытный ужас перед этим человеком.

Слева шел Маркус, герцог де Вейн. Самый завидный, самый богатый и самый политически влиятельный холостяк Империи после самого Императора. Маркус был красивой хищной, порочной красотой, которой пишут иконы святых-искусителей. Он держал в руках бархатную подушку, на

которой покоилась Рубиновая Звезда — высшая военная награда Империи. Белла получила ее утром из рук Императора за «стабилизацию южных рубежей», и теперь Маркус, бледный от сдерживаемой ярости и страсти, был обязан носить этот символ ее триумфа.

Двое других — граф Лионель, лучший фехтовальщик столицы, и виконт Северин, чье перо могло уничтожить репутацию любого министра одним памфлетом.

Белла шла сквозь бальную залу, опираясь на руку Маркуса. Герцог смотрел на нее с плохо скрываемым обожанием, в котором смешивались любовь, страх и желание обладать.

— Ваша спина, графиня, — тихо процедил он сквозь зубы, когда они остановились у фонтана. — Вы стоите так, будто ждете удара кинжалом. — Я всегда жду удара кинжалом, Маркус, — Белла лениво обмахнулась веером из черных перьев. — Это экономит время на похороны. Расслабьте плечи. Вы выглядите как человек, которому жмут новые туфли. А вы должны выглядеть как человек, который готов продать душу за одну мою улыбку.

— Я и так продал ее, когда согласился нести вашу побрякушку, — Маркус кивнул на Рубиновую Звезду. — Вы знаете, что Император вручил вам награду, которой обычно награждают полководцев, выигравших войну? Вы не выиграли войну. Вы просто сожгли кусок земли.

— Я спасла кусок земли, — поправила Белла. — Идите, Маркус. Поговорите с послом Нордхейма. Убедите его, что

наши новые торговые пошлины — это не акт агрессии, а жест доброй воли. Используйте свое обаяние. И не забудьте упомянуть, что я нахожу его коллекцию гобеленов безвкусной. Он должен чувствовать себя задетым, но польщенным.

Маркус поклонился и растворился в толпе. Белла осталась у фонтана. Ивар встал за ее правым плечом, превратившись в живую статую. Лионель и Северин отошли к столикам с закусками, но их взгляды постоянно возвращались к графине, сканируя зал на предмет угроз. Белла закрыла глаза, позволяя музыке — тягучей, сложной мелодии имперского вальса — омыть ее. Она чувствовала зал.

Она чувствовала похоть молодых офицеров, стекающую к ее декольте липкими, невидимыми нитями. Чувствовала страх старых генералов, помнивших ее отца и теперь не знающих, как относиться к дочери, которая оказалась в десять раз страшнее. Чувствовала похоть мужчин и... яд женщин.

Женщины-аристократки были опаснее любой армии.

Они стояли группками у колонн, увитых шелковыми лианами. Веера в их руках работали с бешеной скоростью, но они не охлаждали лица. Они скрывали рты.

— ...прямо в Мертвой лошине, — донеслось до Беллы из-за ближайшей колонны. Говорила герцогиня Алоиза, женщина с лицом, похожим на сморщенное яблоко, и голосом, полным меда и мышьяка. — Говорят, она стояла в огне, и платье на ней не горело. — Ерунда, — фыркнула ее спутница, юная и глупая маркиза. — Просто наложила на ткань

руну «Вечного холода». Любой первокурсник Академии это умеет. — Первокурсники не выживают в Пепельных пустошах, дорогая, — Алоиза понизила голос до змеиного шипения. — Там выживают только монстры. Посмотрите на ее лицо. Ни одной морщины, ни одного следа. Она не человек. Она — голем, которого Император держит в подвалах для грязной работы. — А свита? — пискнула третья. — Вы видели, как на нее смотрит Маркус де Вейн? Самый завидный жених Империи! А она заставляет его носить свою медаль, как комнатную собачку. — Свобода, — с нескрываемой горечью выдохнула Алоиза. — Вот что сводит нас с ума. Мы сидим в этих корсетах, задыхаемся, рожаем наследников и делаем вид, что падаем в обморок от запаха нюхательной соли. А она... она берет то, что хочет. Мужчин, власть, саму смерть за горло. Говорят, Император сам встречал ее экипаж.

Белла открыла глаза. Она не повернула головы. Она просто чуть заметно повела плечами.

В ту же секунду тяжелый бархатный занавес, скрывающий нишу, где прятались сплетницы, с сухим треском оборвал шнур и рухнул вниз, накрыв герцогиню Алоизу и ее компанию с головой. Раздались сдавленные крики, треск ломаемых вееров и возмущенный писк.

Белла едва заметно улыбнулась уголком губ.

— Скучно, — сказала она Ивару, не поворачивая головы. — Вина, госпожа? — прогудел гигант. — Нет. Вино делает людей сентиментальными. Я хочу, чтобы они боялись.

В этот момент музыка изменилась. Грянули фанфары. Тяжелые двери в конце зала, ведущие в Тронный зал, распахнулись. Он вошел без свиты. Только двое преторианцев застыли у дверей, но они были мебелью. Император шел через залу, и это было не шествие монарха. Это было движение матерого волка сквозь стаю шакалов. Толпа расступалась, склоняясь в глубоких поклонах. Но Белла осталась стоять. Она лишь склонила голову ровно на дюйм — знак уважения к партнеру по опасной игре, но не к сюзерену.

Император подошел к ней. Сегодня он был в черном, расшитом серебром. На его груди висел Знак Власти — огромный кусок необработанного метеоритного железа, который, казалось, поглощал свет свечей.

— Графиня, — его голос прозвучал тихо, но перекрыл гул зала. — Вы опоздали. — Пепельные пустоши находятся далеко от столицы, сир, — Белла присела в реверансе, но сделала это с ленивой грацией пантеры, растягивающейся на солнце. — Дороги были размыты. К тому же, мне нужно было время, чтобы смыть запах серы. Он плохо сочетается с духами герцогини Алоизы. Император позволил себе короткий смешок. Сухой, кашляющий звук, от которого по спинам придворных прошел мороз.

— Вы только что обрушили занавес на первую сплетницу двора. — Она мешала мне слушать музыку, сир. У нее слишком громкий голос для женщины, которая не способна удержать собственного мужа.

Император взял ее руку. Его пальцы были холодными, как у мертвеца.

— Вальс, Роза? — спросил он.

Это был не вопрос. Это был приказ. Но в устах Императора приказы всегда звучали как просьбы.

Белла вложила свою ладонь в его.

Они закружились.

Для всех остальных в зале это было просто танцем. Величественным, пугающим, но танцем. Для Беллы и Императора это был поединок.

Каждый шаг — проверка границ. Каждый поворот — попытка зайти за спину.

— Маркус де Вейн смотрит на вас так, что прожигает дыру в моем паркете, — тихо сказал Император, ведя ее в сложном пассаже. — Герцог готов убить за право назвать вас своей. — Назвать — да, — Белла позволила себе легкую, почти незаметную провокацию, положив свободную руку чуть выше на его плечо, чем позволял этикет. — Но он не знает, что делать с женщиной, которая не нуждается в его защите. Маркус — прекрасный хищник. Но я — стихия. А стихию нельзя запереть в золотой клетке.

— Вы могли бы стать Императрицей, — его голос стал еще тише. Теперь его слышала только она. — Закон позволяет мне взять вторую жену. Первая стара и бездетна. Вы бы дали мне наследника, способного держать этот мир.

Белла не сбилась с шага. Ее улыбка осталась безупречной.

— Императрица — это самая дорогая и бесполезная вещь в Империи, сир, — ответила она. — Ее задача — рожать детей и украшать приемы. Моя задача — тушить пожары, которые вы отказываетесь замечать, пока они не охватывают тронный зал. Вы предлагаете мне обменять мою секиру на прялку. Это невыгодная сделка.

— Вы отказываете мне? — в его глазах мелькнуло нечто похожее на удивление.

— Я отказываю вам в приватной аудиенции сегодня ночью, сир, — Белла чуть сильнее сжала его руку, ведя его в контрдансе. — Но я принимаю ваше предложение о партнерстве. Вы хотите, чтобы я была вашим клинком. Хорошо. Но клинок сам выбирает, когда ему лежать в ножнах, а когда — пить кровь.

Музыка достигла крещендо. Император резко остановил ее. Они замерли в центре зала. Он держал ее за талию, она положила руку ему на грудь, прямо на кусок метеоритного железа.

— Вы играете с огнем, Белла, — прошептал он. — Я и есть огонь, — так же тихо ответила она. — Помните об этом, когда в следующий раз решите проверить, насколько горяча моя постель. Вы можете обжечься.

Она высвободила руку и присела в реверансе. Глубоком, безупречном, но в ее глазах не было покорности. Там было веселье палача. Император кивнул и, не сказав больше ни слова, развернулся и направился к своему трону.

Зал выдохнул.

Белла вернулась к фонтану. Маркус де Вейн возник из толпы, как призрак. Он схватил ее за локоть.

— Вы сошли с ума, — его голос дрожал. — Вы только что отказали Императору. В лицо. При всех. Он сотрет вас в порошок.

— Если бы он хотел стереть меня в порошок, Маркус, он бы сделал это три года назад, — Белла взяла с подноса проходящего слуги бокал с шампанским. — Он боится меня. Не как женщину. Как фактор. Непредсказуемую переменную. Императору нужна стабильность, а я — контролируемый хаос.

— Он предложил вам корону!

— Он предложил мне клетку, — Белла сделала глоток. — Я предпочитаю пепелища. Кстати, о пепелищах. Где Лионель?

— Фехтует с послем Вольных Городов на бильярде, — отрапортовал Маркус, все еще не пришедший в себя. — Выигрывает. — Позови его. И Северина. Нам нужно поговорить.

Она направилась в Западную галерею. Это было место, куда придворные дамы заходили только для того, чтобы поправить макияж, а мужчины — чтобы передать взятку. Сейчас галерея была пуста. Тяжелые гобелены, изображающие сцены охоты, поглощали звуки.

Белла остановилась у окна, выходящего в дворцовый сад.

Дождь усилился, барабания по стеклу.

Лионель и Северин подошли бесшумно. Ивар занял позицию у двери.

— Докладывайте, — Белла даже не повернулась.

— Вести с востока плохие, — начал Северин, разворачивая свиток. Его пальцы, привыкшие к перу, слегка подрагивали. — Баронство Ройхо. Там вспыхнуло восстание. Но это не чернь с вилами. Это «Дети Пепла». Сектанты.

— Пепельные пустоши заразны, — процедил Маркус. — Магия алтаря, который вы... стабилизировали... она просачивается.

— Она не просачивается, — Белла наконец повернулась. В полумраке галереи ее золотые глаза казались черными. — Ее тянут.

Она подошла к своим людям.

— Алтарь в лощине теперь часть меня, — спокойно сказала она. — Я чувствую его, как свой палец. И сегодня днем, когда я пила чай, я почувствовала укол. Кто-то отсек кусок нити. Кто-то с той стороны Пустошей, в Резервации, использует мой канал. Они крадут силу, которую я удерживаю. И эта сила питает «Детей Пепла».

— Это государственная измена, — побледнел Маркус. — Если Император узнает, что кто-то ворует божественную энергию...

— Император знает, — перебила Белла. — Именно поэтому он танцевал со мной. Он проверял, не я ли сошла с ума

и начала сжигать собственные границы. Он убедился, что я в порядке. И теперь он ждет, что я найду крысу.

— Мы найдем ее, госпожа, — шагнул вперед Лионель. — Мои клинки к вашим услугам.

— Клинки — это грубо, — Белла улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз. — Мы поступим тоньше. Северин. Мне нужен список всех послов, купцов и дипломатов, которые за последние три месяца отправляли курьеров на восток. Всех, кто интересовался древними текстами о первозданном Хаосе.

— Это половина двора, — вздохнул Северин.

— Начни с тех, кто сегодня слишком громко восхищался моим платьем, — Белла допила шампанское и бросила бокал в камин. Хрусталь разлетелся с жалобным звоном. — И тех, кто шепотом называл меня големом. Зависть — отличный мотив для предательства.

— А что делать с восстанием в Ройхо? — спросил Маркус. — Там режут имперских сборщиков налогов.

— Пусть режут, — равнодушно пожала плечами Белла. — Это заставит местное дворянство паниковать. А паника заставляет людей совершать ошибки. Мне не нужны их налоги. Мне нужна их паника. Когда бароны Ройхо приползут ко мне на коленях, умоляя спасти их жалкие жизни от сектантов, я предложу им сделку.

— Какую? — хором выдохнули мужчины.

— Я спасу их земли, — Белла подошла к Маркусу вплот-

ную. Она была на полторы головы ниже его, но сейчас смотрела сверху вниз. — Я сожгу «Детей Пепла». Но взамен они подпишут хартию. Хартию о передаче всех прав на добычу серебра в их горах моему дому.

— Это... это поглощение, — прошептал Маркус. — Вы собираетесь проглотить половину востока.

— Я собираюсь построить империю внутри Империи, — Белла повернулась к окну. — Император думает, что держит меня на поводке, давая контракты ранга «Эпоха». Он ошибается. Каждый раз, когда я иду в Пустоши, я становлюсь сильнее. А когда я становлюсь сильнее, земли вокруг меня начинают гореть. И только я могу этот огонь потушить.

Она посмотрела на свою свиту. На Ивара, чья преданность была крепче стали. На Маркуса, чья любовь была замешана на страхе. На Лионеля, готового убивать по щелчку ее пальцев.

— Они называют меня монстром за спиной, — тихо сказала она. — Пусть. Монстры не платят налоги. Монстров боятся. А страх — это самая твердая валюта.

— Что прикажете, госпожа? — склонил голову Северин.

— Танцуйте, — приказала Белла. — Напейтесь. Распространяйте слухи о том, что я сплю с Императором, но он не может меня удовлетворить, поэтому я злая. Пусть шепчутся. Пусть завидуют. Пусть ненавидят. Чем больше они тратят времени на обсуждение моего декольте, тем меньше они замечают, как я забираю их земли, их влияние и их будущее.

Она развернулась на каблуках и направилась обратно в бальную залу.

— Ах да, — она остановилась на пороге галереи, взглянув на Маркуса через плечо. — Герцог. — Да, графиня? — Сегодня ночью, когда вы будете лежать в своей постели и думать о том, как сильно вы меня ненавидите, помните: я знаю об этом. И я нахожу это... возбуждающим. Не разочаруйте меня.

Она вышла, оставив четверых самых опасных мужчин Империи стоять в полумраке, пытаясь осознать, что они больше не принадлежат себе.

Белла вернулась в зал. Музыка снова сменилась. Теперь играли что-то быстрое и дерзкое. Она вышла в центр, не дожидаясь приглашения. Она начала танцевать. Это не был вальс или менуэт. Это было дикое, первобытное движение. Она двигалась так, как танцевала в Мертвой лощине, когда ее тело было объято пламенем. Ее бедра двигались с вызывающей, животной свободой. Ее руки рисовали в воздухе узоры, похожие на руны.

Мужчины замерли. Женщины побледнели. Белла танцевала одна, но казалось, что она ведет в паре невидимого партнера — саму Смерть или саму Жизнь. Маркус де Вейн, стоя у колонны, смотрел на нее. В его глазах больше не было только страсти. Там был холодный, липкий ужас осознания. Он, герцог, наследник древнего рода, только что добровольно стал пешкой в игре женщины, которая правила законами физики

силой своей ярости.

— Она погубит нас всех, — прошептала за его спиной герцогиня Алоиза, наконец выбравшаяся из-под занавеса. Ее парик съехал набок.

— Нет, — так же тихо ответил Маркус, не отрывая взгляда от Беллы. — Она погубит только тех, кто встанет у нее на пути. А мы... мы просто сгорим в ее свете. И будем умолять, чтобы она позволила нам гореть чуть дольше.

Белла ди Фальконе кружилась в центре зала. Золотое платье взметнулось, обнажая стройную ногу в алом чулке. Она смеялась. Громко, заливисто, запрокинув голову. И в этом смехе слышался треск горящего дерева, вой ветра в Пепельных пустошах и скрежет ломаемой стали. Бал принадлежал ей. Империя еще не знала об этом, но это было лишь вопросом времени. Времени, которое, как и все остальное, Белла планировала украсть у вечности. Когда часы в главной башне пробили три часа ночи, и самые стойкие гости начали разъезжаться, Белла покинула бальную залу. Она не пошла в свои покои. Вместо этого она спустилась на два яруса ниже, в дворцовые архивы.

Здесь пахло пылью, мышами и старым пергаментом. Магические светильники на стенах горели тусклым, болезненно-зеленым светом. Архивариус, дряхлый старик, дремавший над фолиантом, подскочил, увидев ее.

— Ва... ваше сиятельство? — прохрипел он. — Архивы закрыты до утра. Нужен указ Императора...

— Указ у меня в крови, — Белла бросила на стол перед ним тяжелый кошель. Золотые монеты со звоном рассыпались. — Мне нужны карты Резервации. Самые старые. До того, как там поставили первый кордон.

Старик сглотнул, глядя на золото, потом на лицо Беллы. Он узнал этот взгляд. Так смотрят на палача.

— Я... я не могу... это государственная тайна. Казнь без суда...

— Ты боишься Императора, — Белла наклонилась через стол. Ее золотые глаза в полумраке архивов светились собственным светом. — Это похвально. Но я — то, что Император видит в своих самых страшных кошмарах. Если ты не дашь мне карты сейчас, я подожгу эти стеллажи. Древний пергамент горит очень красиво. А потом я скажу Императору, что пыталась найти способ спасти восточные рубежи, но старый дурак-библиотекарь не пустил меня. Чью голову он отрубит первой, как думаешь? Старик молча, трясущимися руками, открыл сейф в стене. Белла взяла тяжелые кожаные тубусы. Она не стала благодарить. Благодарность — это признание долга, а долгов у Беллы ди Фальконе не было ни перед кем.

Она вернулась в свои покои, когда небо на востоке только начало сереть.

Ивар ждал ее в гостиной. Он снял бархатный камзол и остался в одной льняной рубаше. Его огромная фигура казалась еще больше в тесных дворцовых покоях.

— Вы не спали, — констатировала Белла, наливая себе вина из хрустального графина. — Я слушал, — пробасил Ивар. — Стены во дворце имеют уши. Я заткнул те, что ведут из коридора. Но те, что в самой стене... они шепчут.

— И что они шепчут? — Белла сделала глоток.

— Они шепчут, что герцог де Вейн плакал в саду, — Ивар позволил себе тень улыбки. — А маркиза Норт сломала три ногтя, пытаясь открыть ваш веер, который вы «случайно» оставили на ее кресле. Веер оказался зачарован, и теперь маркиза не может перестать петь гимны задом наперед.

— Мелочно, — поморщилась Белла. — Но эффективно.

Она развернула на столе карты Резервации.

— Смотри, — она ткнула пальцем в пожелтевший пергамент. — Вот Пепельные пустоши. Вот Мертвая лощина. А вот здесь, — ее ноготь с идеальным маникюром прочертил линию на восток, — старая имперская дорога. Она заброшена сто лет. Считается, что она упирается в непроходимые скалы.

Ивар наклонился. Его лицо, обычно напоминающее камень, сейчас было сосредоточенным.

— Скалы можно взорвать, — пророкотал он. — Скалы — это магия, — Белла покачала головой. — Иллюзия. Кто-то очень могущественный не хочет, чтобы кто-то ходил на восток. Но я чувствую ток силы. Он идет оттуда.

Она выпрямилась, подошла к окну. Дождь кончился.

— Мы едем в Ройхо, — сказала она. — Официально —

подавлять восстание «Детей Пепла». Неофициально — искать того, кто дергает за ниточки.

— А Император?

— А Император, — Белла улыбнулась своему отражению в темном стекле, — получит подробный отчет о героической гибели нескольких мятежных баронов. И о том, как верная короне графиня ди Фальконе спасла восточные рубежи, потеряв половину своей свиты.

— Я не согласен на половину, — буркнул Ивар. — Только на свою смерть.

— Ты незаменим, — Белла вернулась к столу, свернула карты и бросила их в дорожную сумку. — Разбуди Лионеля и Северина. Мы выезжаем через час. Я не хочу завтракать с придворными дамами. Их сочувствие к моему «тяжелому бремени государственной службы» вызывает у меня желание сжечь их парики.

Она осталась одна. Белла подошла к зеркалу в тяжелой бронзовой раме. На нее смотрела самая желанная и самая страшная женщина Империи. Золотистое платье оттеняло кожу. Волосы, уложенные в высокую прическу, открывали длинную, изящную шею. Она протянула руку и коснулась своего отражения. Под кожей, там, где должны были быть вены, на секунду проступил узор из светящихся оранжевых линий. Точно такой же, какой она видела внутри алтаря в Мертвой лощине. Она больше не была просто человеком. Алтарь изменил ее. Он сделал ее частью геологии этого ми-

ра.

— Пусть шепчутся, — прошептала она своему отражению. — Пусть завидуют. Пусть боятся.

Она отвернулась от зеркала, взяла со спинки кресла тяжелый дорожный плащ с меховым подбоем и шагнула к двери. В коридоре, прислонившись к стене, стоял Маркус де Вейн. Он не спал всю ночь. Его костюм был измят, под глазами залегли тени.

— Куда? — спросил он хрипло.

— На восток, — Белла не остановилась. — Там горит.

— Я с вами.

Она остановилась и посмотрела на него. Долго, изучающе.

— Ты не понимаешь, Маркус, — тихо сказала она. — Там не просто горит. Там выжигают душу. Я иду туда не спасать людей. Я иду туда, потому что кто-то посмел украсть *мою* силу.

— Я знаю, — Маркус шагнул к ней, пытаясь взять за руку.

— Я все равно еду.

Белла позволила ему коснуться своих пальцев.

— Тогда молись своим забытым богам, герцог, — она сжала его руку до хруста. — Чтобы огонь, с которым ты решил поиграть, не превратил тебя в пепел раньше, чем ты успеешь мне надоесть.

Она высвободила руку и пошла по коридору, не оборачиваясь.

Ивар, Лионель и Северин ждали ее у лифта, ведущего к

конюшням.

— Кареты готовы, госпожа, — доложил Северин.

— Никаких карет, — отрезала Белла. — Только верхом. И в темпе, от которого сдохнет обычная лошадь. Я хочу быть в Ройхо к закату.

Она легко, словно танцуя, сбежала по винтовой лестнице вниз.

За ее спиной, в роскошных покоех Зимнего дворца, просыпался высший свет Империи. Они будут обсуждать ее наряд, ее танец с Императором, ее дерзость и ее свиту. Они будут завидовать ее свободе и ненавидеть ее власть.

Они видели в ней лишь красивую, опасную женщину. Никто из них, глядя на удаляющийся по мокрой брусчатке силуэт графини ди Фальконе, не понял, что только что смотрел в лицо наступающему апокалипсису. Белла вскочила в седло. Ее вороной конь захрапел, чувствуя жар, исходящий от хозяйки.

— На восток, — скомандовала она, вонзая шпоры в бока животного.

Копыта застучали по камням Астары, унося Беллу прочь от позолоты, лжи и теней зависти. Навстречу настоящему пламени.

Глава 3. Договор с купцом

Дорога на восток воняла отчаянием.

Запах стоял настолько густой, что, казалось, его можно было резать ножом и продавать в аптеках Астары как средство от меланхолии. Это была смесь из горелой соломы, невымытых тел, дешевого самосада и того специфического металлического душка, который оставляет после себя массовая насильственная смерть. Белла ди Фальконе ненавидела этот запах. Он напоминал ей о том, что большинство людей — это просто дешевое топливо, которое коптит небо перед тем, как окончательно прогореть.

Их маленький отряд двигался по Старому тракту уже четвертые сутки. Позади осталась Астара с ее позолоченной гнилью, остались цветущие предместья и сытые баронства центральной части Империи. Здесь, на границе с графством Ройхо, осень была не золотой, а серой. Низкие тучи цеплялись за верхушки мертвых, почерневших от копоти деревьев.

Земли Ройхо умирали.

Они проезжали мимо сожженных деревень. От некоторых остались лишь каменные фундаменты и печные трубы, торчащие из земли, как надгробия. Поля были вытоптаны, сады вырублены на дрова. На деревьях вдоль дороги висели «украшения» — раздутые тела сборщиков налогов и мелких дворян, отказавшихся присягнуть новому порядку. Вороны

расклевали их до костей, и теперь скелеты раскачивались на ветру, гремя костями, словно безумные марионетки.

— «Дети Пепла», — процедил Маркус де Вейн, придерживая коня рядом с Беллой. Его породистое лицо, привыкшее к чистоте и комфорту дворцовых оранжерей, позеленело. — Миледи, это не восстание. Это чума. Мы должны сжечь этот край дотла и залить солью.

— Соль нынче дорога, Маркус, — лениво отозвалась Белла. Она ехала, выпрямив спину, и ее дорожный костюм из плотной кожи выглядел так, словно его только что принесли из лучшей мастерской столицы. Ни пылинки, ни капли грязи не смели коснуться графини. Казалось, грязь просто боялась к ней приблизиться. — К тому же, зачем жечь то, что можно обложить налогом?

— Они убивают ваших людей! — не унимался герцог. — Они сожгли караван с зерном, который *вы*отправили неделю назад!

— Я знаю, — Белла похлопала по седельной сумке, где лежал помятый гербовый штандарт ее дома, снятый с обгорелого древка. — Именно поэтому мы здесь.

Лионель, ехавший замыкающим, придержал своего тонконового скакуна и пустил его легкой рысью, поравнявшись с остальными. — В лиге впереди трактир «Слепой вепрь», — доложил он, убирая со лба слипшуюся от пота прядь. — Местный шериф ждет нас с отрядом ополченцев. Двадцать человек. Все трясется от страха. Говорят, банда «Серых пла-

щей» держит под контролем весь тракт от Ройхо до перевала.

— «Серые плащи», — Белла скривила губы в усмешке. — Как поэтично. Наверное, они сами придумали это название, пока делили украденные кружева.

— Это не просто бандиты, госпожа, — подал голос Ивар. Он ехал на огромном битюге, который с трудом выдерживал вес гиганта и его секиры. — Разведка докладывала. У них дисциплина легиона. И арбалеты из гномьей стали. Ополченцы шерифа — это просто мясо, которое они нанизывали на болты для развлечения.

— Значит, ополченцы нам не понадобятся, — Белла натянула поводья, останавливая вороного. — Мы не будем с ними встречаться.

Она развернула коня и направилась по едва заметной тропе, уходящей в лес.

— Миледи? — Маркус растерянно смотрел ей вслед. — Трактир в другой стороне.

— Трактир подождет, — бросила через плечо Белла. — Сначала нанесем визит вежливости. Ивар, Лионель — за мной. Северин, ты остаешься с лошадьми. Если через час мы не вернемся, уезжай в столицу и скажи Императору, что я решила стать отшельницей.

Северин, чья физическая форма оставляла желать лучшего, с явным облегчением сполз с седла.

Лес здесь был мертвым. Не просто осенним, а именно мертвым. Деревья стояли черные, лишенные коры. Листва,

если и оставалась, была серой, как пепел. Магия Пепельных пустошей просачивалась сквозь почву, отравляя землю на мили вокруг. Они ехали молча около двадцати минут, пока Ивар не поднял руку, останавливая отряд.

Впереди, в небольшой ложине, виднелись остатки старого каменного моста. А под ним, скрытый от глаз случайных путников густым кустарником, расположился лагерь. Это был не грязный разбойничий притон. Это был военный бивак.

Палатки из плотной парусины стояли ровными рядами. Горели костры, над которыми висели медные котлы. Десятки мужчин в серых шерстяных плащах с капюшонами занимались своими делами: чистили оружие, чинили сбрую, тренировались в рукопашном бою на утоптанной площадке. Белла насчитала около сотни бойцов. И это были не лесные головорезы с ржавыми топорами. Это были ветераны. Она видела это по тому, как они двигались — экономно, без суеты, по тому, как стояли часовые — не прислонившись к деревьям, а сканируя сектор обстрела.

— Гномьи арбалеты, — тихо подтвердил Лионель, прищурившись. — И форма имперских егерей. Только перекрашенная.

— Центральная фигура, — Белла указала хлыстом на самую большую палатку у моста. — Десять человек охраны.

Из палатки вышел человек. Он был одет не в серый плащ, а в дорогой бархатный дублет цвета бургундского вина. На его пальцах сверкали перстни, а на толстой золотой цепи ви-

села печать купеческого дома. Это был мужчина лет пятидесяти, с круглым, сытым лицом, которое, однако, избороздили глубокие морщины тревоги. Его щеки тряслись, когда он отдавал указания высокому, сухопарому человеку в сером, чье лицо было скрыто шрамом.

— Купец, — констатировала Белла. — И его наемники.

— Мы втроем против сотни? — Лионель с предвкушением погладил рукоять своего меча. — Мне нравится этот план, госпожа.

— Мы не будем их убивать, — Белла спрыгнула с коня. Движение было настолько легким, что казалось, гравитация для нее работает иначе. — Ивар, оставь секиру. Она пугает толстосумов. Возьми мой плащ.

Гигант молча принял из ее рук тяжелый кожаный плащ с меховым подбоем. Белла осталась в одной тонкой батистовой рубашке и плотных кожаных штанах. Она подошла к краю лощины.

— Ждите здесь, — приказала она. — Если я крикну «пепел» — бросайте в толпу «ежей» и режьте офицеров. Если я махну рукой — вы меня не знаете.

— Госпожа, это безумие, — впервые в голосе Ивара прозвучала не готовность к бою, а почти отеческая забота. — У них арбалеты.

— Арбалеты стреляют болтами, — Белла улыбнулась. — А болты — это просто очень быстрые гости. Я умею принимать гостей.

Она начала спускаться в лощину. Она не кралась. Она шла так, как шла по бальной зале Зимнего дворца — уверенно, открыто, заставляя пространство расступаться перед ней. Ее появление заметили не сразу. Но когда один из часовых наконец увидел одинокую женскую фигуру, поднимающуюся из тумана, по лагерю пронесся тихий шелест.

Белла вышла на утоптаный центр лагеря. Она остановилась. Она не сделала ни одного резкого движения. Просто стояла, и ее золотые волосы в сером свете мертвого леса казались единственным ярким пятном.

Сотня пар глаз уставилась на нее. Купец в бархатном дублете замер с открытым ртом. Человек со шрамом — видимо, капитан наемников — шагнул вперед, положив руку на эфес.

— Ты заблудилась, красotka? — крикнул один из арбалетчиков с ближайшего дерева. — Или ищешь, кто тебя хорошенько... Он не договорил. Белла подняла голову. Ее глаза вспыхнули расплавленным золотом. Это не была магия в привычном смысле. Не было ни огненных шаров, ни ледяных игл. Это было *Присутствие*.

Воздух в лощине мгновенно нагрелся. Десять градусов за секунду. Затем двадцать. Снег, лежавший в тени моста, зашипел и испарился. Мужчины, стоявшие ближе к Белле, начали задыхаться, хватаясь за горло — невидимая тяжесть придавила их к земле, выдавливая воздух из легких.

Арбалетчик на дереве вскрикнул. Его дорогой гномий арбалет, гордость инженерной мысли, раскалился докрасна.

Металл потек, обжигая руки. Мужчина с воем рухнул вниз, ломая ветки.

Белла сделала шаг.

Земля под ее сапогом треснула от жара.

— Я не красотка, — ее голос прозвучал негромко, но его слышали в каждом углу лагеря. Он звучал как гул кузнечного горна. — Я ваша хозяйка.

Капитан со шрамом выхватил меч.

— Взять ее! — просипел он.

Десять человек бросились на нее.

Белла не двинулась с места.

Она просто выдохнула. Это был не огонь. Это была волна абсолютного, белого жара. Она не сжигала плоть мгновенно — она просто испаряла влагу. Воздух перед Беллой превратился в плазму. Наемники, бежавшие на нее, вспыхнули, как факелы из промасленной ветоши. Кричали они доли секунды. Затем их тела превратились в черные, дымящиеся статуи, которые с сухим треском осыпались на землю горсткой пепла. В лагере воцарилась тишина. Слышно было только шипение раскаленного воздуха и стон обожженного арбалетчика.

Купец рухнул на колени прямо в грязь. Его бархатный дублет покрылся инеем от резкого перепада температур.

— Я... я не знал... — лепетал он, пытаясь ползти к ней, но его руки дрожали так сильно, что он лишь царапал землю. — Миледи... графиня... пощадите...

Белла обвела взглядом застывших наемников. Сотня закаленных убийц, не боявшихся ни стражи, ни демонов, смотрела на нее с первобытным ужасом. Они видели, как умерли их товарищи. Без заклинаний, без пассов руками. Она просто *пожелала* им смерти.

— Меня зовут Белла ди Фальконе, — сказала она в звенящую тишину. — Возможно, вы слышали обо мне. Я та, кто потушил Мертвую лощину. И я очень, очень зла.

Она подошла к капитану со шрамом. Тот стоял, белый как мел, не решаясь поднять меч. Белла протянула руку и коснулась пальцами его груди.

Капитан закричал. Это был беззвучный крик — от шока он потерял голос. Его кожаный колет задымился, а затем вспыхнул. Но Белла не отняла руки. Она смотрела капитану в глаза, и тот чувствовал, как его воля плавится, как воск.

— Как твое имя? — спросила она.

— Гарт, — прохрипел наемник.

— Гарт, — Белла улыбнулась. — Ты хороший солдат. Дисциплинированный. Ты знаешь, что такое субординация.

Она убрала руку. Пламя на груди капитана погасло, оставив на коже идеальный, выжженный дотла отпечаток ее ладони.

— С этой секунды твой хозяин — не этот потеющий кусок сала, — она кивнула на купца, который уже пустил лужу под себя. — Твой хозяин — я.

Белла развернулась. Она подошла к купцу, который пы-

тался целовать ее сапоги.

— Встань, — брезгливо приказала она.

Купец вскочил так быстро, что запутался в полах своего дорогого дублета и снова упал бы, если бы Ивар, неслышно спустившийся в лощину, не подхватил его за шиворот и не поставил на ноги, как нашкодившего щенка.

— Твое имя, — Белла смерила его взглядом.

— Гуго... Гуго Мольнар, миледи... Чайный дом Мольнара, специи, шелк... — Гуго заикался, его тройной подбородок дрожал. — Мы... мы просто платили им за охрану караванов! Мы не знали, что они грабят!

— Ты платил им, чтобы они держали мой тракт под страхом, — Белла шагнула вплотную. От нее шел невыносимый жар. — Ты поднял пошлину на перевозку моих товаров на сорок процентов. Ты скупал зерно у крестьян за бесценок, потому что «Серые плащи» убивали любого, кто пытался везти урожай на городские рынки. Ты не торговец, Гуго. Ты — глист в кишках Империи.

— Я все отдам! — взвыл Мольнар. — Все золото! У меня есть векселя! Я профинансирую вашу армию!

— Мне не нужна твоя армия, — Белла поморщилась. — Мне нужно, чтобы ты работал.

Она обернулась к Гарту.

— Капитан, сколько у тебя людей?

— Сто два... считая тех, кто в дозорах, миледи, — Гарт сглотнул, не отрывая глаз от отпечатка на своей груди. Он

больше не принадлежал себе.

— Слушайте меня все! — голос Беллы снова ударил по ушам, заставляя людей присесть. — Вы больше не бандиты. Вы — Первый Особый Обозный Полк графства ди Фальконе.

По рядам наемников прошел ропот.

— Ваше жалованье удваивается, — продолжила Белла. — Платить будет казначейство Ройхо. Гарт назначается комендантом этого полка. Любое мародерство, насилие или грабеж на землях, подконтрольных мне, будет караться смертью на месте. Вашим же собственным арбалетом. В рот.

Гуго Мольнар смотрел на нее выпученными глазами. Он перестал понимать, казнят его сейчас или дают повышение.

— А ты, купец, — Белла повернулась к Гуго. — Ты только что стал моим главным интендантом.

— Я... я... — Мольнар хватал ртом воздух.

— Ты будешь поставлять провизию для моего нового полка, — Белла говорила медленно, вбивая каждое слово в его сознание, как гвоздь. — По ценам на десять процентов ниже рыночных. И ты будешь платить.

— Кому? — пискнул Гуго.

— Мне, — Белла протянула руку. — Прямо сейчас.

— Но... у меня с собой только дорожный кошель... там сто золотых...

— Мне плевать на золото, — Белла щелкнула пальцами.

Один из костров в лагере взорвался снопом искр. Из пла-

мени, прямо в руку Беллы, вылетел кусок раскаленного добела металла. Она поймала его, не поморщившись, хотя любовью другой человек остался бы без руки.

Металл остыл за секунду, приняв форму кольца. Простого железного кольца, покрытого окалиной. Белла взяла пухлую, влажную руку Гуго Мольнара. Купец визгнул, пытаясь вырваться, но хватка Ивара была подобна тискам. Белла надела кольцо на его толстый мизинец. Железо зашипело, соприкоснувшись с кожей. Мольнар взвыл от боли.

— Это Печать Внимания, — сказала Белла, отпуская его руку. — Пока ты служишь мне верой и правдой, ты будешь чувствовать лишь легкое тепло. Но если ты решишь обмануть меня, если ты попытаешься утаить хотя бы медяк или связаться с моими врагами...

Она посмотрела на кольцо. Железо начало медленно краснеть. Мольнар рухнул на колени, прижимая руку к груди. Кожа под кольцом пузырилась. Запахло паленым мясом.

— ...оно вскипит, — закончила Белла. — Вместе с твоей кровью. Оно будет жечь тебя неделями, Гуго. Ты будешь молить о смерти, но я не позволю тебе умереть. Ты будешь гнить заживо, пока я не решу, что ты искупил вину. А я очень злопамятна.

Она щелкнула пальцами снова. Боль в пальце купца мгновенно исчезла. Кольцо снова стало холодным, но Гуго знал, что оно там. Он чувствовал его вес, как клеймо раба.

— Теперь о караване с моим зерном, — Белла скрестила

руки на груди.

— Он... он сожжен, миледи, — пролепетал Мольнар. — На прошлой неделе. У моста через Быстротечную.

— Я знаю, — кивнула Белла. — Я чувствую пепел. Там погибло сорок моих людей.

Она посмотрела на Гарта.

— Кто командовал налетом?

— Лейтенант Кроун, — Гарт вытянулся. — Он... он решил, что раз уж мы охраняем дороги, то можем и забирать грузы. Мы его наказали.

— Накажите его еще раз, — Белла брезгливо поморщилась. — Публично. На колу. И оставьте так. Пусть птицы клюют. Я хочу, чтобы каждый человек в сером плаще знал: моя собственность священна.

— Будет исполнено, — Гарт ударил себя кулаком по груди.

— А ты, Гуго, — Белла снова обратила свой золотой взор на купца. — Ты компенсируешь мне потерю каравана.

— Но... миледи... у меня нет столько зерна! — взвизгнул Мольнар.

— Мне не нужно зерно, — Белла улыбнулась, и эта улыбка заставила колени купца подогнуться. — Мне нужно влияние. У тебя есть связи в Совете Гильдии Торговцев Астары. Мне нужно, чтобы через три дня на стол Императору лег проект указа. О полной монополии Дома ди Фальконе на торговлю солью, железом и специями в восточных провинциях.

— Это... это невозможно! — побелел Гуго. — Меня убьют! Старые дома разорвут меня на части!

— Тогда тебя разорвут на части «Серые плащи», — Белла кивнула на Гарта. — Я отдам им приказ. Или ты предпочитаешь, чтобы я сделала это сама? Медленно? Я могу отделить твою кожу от мяса, не убивая. Я научилась этому в Пустошах.

Мольнар посмотрел на Гарта, затем на дымящиеся останки десяти арбалетчиков, потом на раскаленное кольцо на своем пальце.

— Я... я попробую, миледи, — прошептал он.

— Не попробуешь, — отрезала Белла. — Ты сделаешь. Иначе твоя смерть станет легендой, которую матери будут рассказывать детям, чтобы те хорошо кушали.

Она подошла к нему вплотную. Ее золотые глаза оказались в дюйме от его заплавленных жиром глаз.

— Запомни, Гуго. Я не граблю. Я собираю налоги. И если ты будешь хорошим мальчиком, ты станешь самым богатым купцом Империи. Ты будешь монополистом. Все остальные разорятся. Ты понимаешь?

Гуго часто закивал, брызгая слюной.

— Да, миледи! Да! Я все сделаю!

— Я знаю, — Белла отступила. — Гарт.

— Миледи?

— Продолжай охранять тракт, — Белла обвела рукой лагерь. — Но расширь зону. До самого перевала. Вычисти от-

туда всех вольных стрелков. Любой, кто не носит твой серый плащ или мой герб — покойник.

— Мы зачистим тракт до блеска, — Гарт впервые позволил себе подобие улыбки. Перспектива легальной власти и удвоенного жалования явно перевешивала страх перед демонической графиней.

— И еще, — Белла достала из внутреннего кармана маленький серебряный свисток на цепочке. — Если увидишь на дороге человека в черном плаще с серебряной застежкой — дай ему этот свисток. Он придет от меня. Слушай его, как меня.

Она бросила свисток Гарту. Капитан поймал его на лету.

— А теперь, — Белла посмотрела на солнце, клонившееся к горизонту. — Я устала. Гуго, твои интенданты найдут для меня и моих людей палатку. Самую сухую. И принесут вина. Не того кислого пойла, что вы пьете, а того красного, что ты прячешь в личном сундуке.

— Сию минуту, миледи! — Мольнар, забыв о боли и страхе, бросился исполнять приказ с рвением, достойным лучшего дворецкого.

Белла повернулась к своим людям. Ивар, Лионель и Маркус стояли в тени моста, наблюдая за всем этим с абсолютно разными выражениями лиц.

Маркус смотрел на купца с плохо скрываемым отвращением. — Вы сделали его своим рабом, — сказал герцог, когда Белла подошла к ним. — Эта печать... это же бесчеловечно.

— Это эффективно, — Белла пожала плечами. — Я могла бы сжечь весь этот лагерь. Превратить их в пепел. И что? Через неделю на тракте появились бы новые голодранцы с ржавыми ножами. А у меня была бы дыра в бюджете и минус сотня бойцов.

Она посмотрела на Маркуса своим стальным взглядом.

— Ты мыслишь категориями чести, Маркус. А я мыслю категориями урожая. Зачем сжигать поле, если можно согнать крестьян и заставить их его возделывать? Гуго Мольнар — умный, жадный и очень пугливый человек. Он построит мне такую логистическую сеть, которую не соберет ни один имперский генерал. Он будет лизать мне сапоги и благодарить за то, что я позволяю ему дышать.

— Это... это тирания, — выдохнул Маркус.

— Это управление, — отрезала Белла. — Император сидит в своем дворце и ждет, пока проблемы решатся сами собой. Я решаю их. Иди, Маркус. Прогуляйся по лагерю. Поговори с людьми. Узнай, кто из них готов резать глотки за золото, а кто — за идею. Мне нужны командиры.

Она подтолкнула его в спину. Герцог, все еще находясь в состоянии культурного шока, побрел в сторону костров, где «Серые плащи» уже начинали с любопытством поглядывать на дворянские сапоги.

Белла осталась с Иваром. Гигант молча протянул ей ее плащ.

— Ты осуждаешь меня? — спросила она, надевая тяже-

люю кожу.

Ивар почесал шрам. — Я возил вашу колыбель, госпожа, — тихо пророкотал он. — Я помню, как вы плакали, когда умерла ваша первая канарейка. Вы были добрым ребенком.

— Канарейка сдохла, потому что была слаба, — холодно ответила Белла. — А добрый ребенок умер в Мертвой лошине, Ивар. Там, где я поняла, что мир делится не на добрых и злых. На тех, кто горит, и на тех, кто держит факел.

Она посмотрела на лагерь. Наемники уже ставили для нее отдельную командирскую палатку. Гуго Мольнар лично нес поднос с серебряным кубком.

— Я держу факел, — продолжила Белла. — И если для того, чтобы Империя не утонула в собственном дерьме, мне нужно окунуть пару купцов лицом в их же золото — я это сделаю.

— Я с вами, госпожа, — просто сказал Ивар. — До самого дна.

— Знаю, — она впервые за весь день позволила себе настоящую, теплую улыбку. — Распорядись разбить мой шатер. И пришли ко мне Гарта. Я хочу обсудить с ним тактику зачистки перевала. У меня есть для него подарок.

Она направилась к палатке, которую уже застилали свежими, хотя и ворованными коврами.

Гуго Мольнар семенил следом, пытаясь заглянуть ей в глаза.

— Миледи... а указ... о монополии... если Гильдия Тор-

говцев воспротивится... мне присылать убийц?

Белла остановилась и посмотрела на него сверху вниз.

— Нет, Гуго, — мягко сказала она. — Ты пришлешь ко мне их жен. Я научу их печь пироги. А мужья... мужья сами принесут мне ключи от своих хранилищ, лишь бы я разрешила им дожить до утра.

Она скрылась в палатке, оставив купца стоять под морозящим дождем.

Гуго Мольнар посмотрел на свои руки. Они больше не тряслись. Он посмотрел на лагерь «Серых плащей». Теперь это была его армия. Он посмотрел на кольцо на пальце. Оно было ледяным. Самый могущественный и самый ненавидимый купец восточных провинций Империи глубоко вдохнул запах мокрой земли, дыма и страха, поправил съехавший набок парик и пошел отдавать приказы. Он был свободен. Свободен от страха перед разбойниками. Свободен от конкурентов. Он был рабом Беллы ди Фальконе, и это была самая выгодная сделка в его жизни.

Глубокой ночью, когда лагерь затих, а пьяные песни наемников сменились храпом, Белла сидела на раскладном стуле перед картой тракта. В палатке пахло кожей, воском и озоном. Ивар спал у входа, сидя на полу, прислонившись к ящику с провизией. Его секира лежала поперек колен.

В палатку, без стука, вошел Маркус. Он был без камзола, в одной рубашке. Его волосы были растрепаны.

— Они называют вас Хозяйкой, — сказал он с порога.

— Это лучше, чем «ведьма», — не отрываясь от карты, ответила Белла.

— Я говорил с Гартом, — Маркус подошел ближе. — И с десятниками. Они пойдут за вами в ад. Они никогда не служили Империи с таким рвением. Они боятся вас до потери сознания, но... они вас боготворят. Вы дали им цель.

— Я дала им жалованье и запретила насиловать крестьянок, — Белла подняла на него глаза. — Для наемника это почти святость. Зачем ты пришел, Маркус? Пришел проверить, не съем ли я купца на ужин?

Маркус сглотнул.

— Я пришел спросить... зачем? — его голос дрогнул. — Зачем весь этот театр? Зачем кольцо? Зачем страх? Вы могли бы просто попросить Императора дать вам полк.

Белла отложила карту. Она встала. В тусклом свете масляной лампы ее тень на стене палатки казалась огромной, с рогами и когтями.

— Потому что Император — это старик, Маркус, — тихо сказала она. — Он держится за традиции. За законы, написанные триста лет назад. Если я попрошу у него полк, он даст мне полк. Старый, раздутый, с ворующим интендантом и пьяным полковником. И я буду связана его уставом.

Она шагнула к Маркусу. Сократив дистанцию до неприличной.

— А так... — она провела пальцем по вороту его рубашки. — У меня есть полк, который живет по *моим* законам.

Который кормит купец, которого я держу за горло. Который зачищает мои границы от моих врагов. Император думает, что я его меч. Пусть. Пусть думает. Но этот меч больше не в его руке.

Она наклонилась к самому уху герцога.

— Запомни, Маркус де Вейн. Империя — это не корона. Империя — это дороги, по которым везут хлеб, и солдаты, которые эти дороги охраняют. Корону можно снять. А человека, который держит в кулаке торговцев и наемников, снять невозможно. Его можно только убить.

Она отстранилась.

— А теперь иди спать, Маркус. Завтра тяжелый день. Мы едем в Ройхо. И мне нужно, чтобы ты выглядел как герцог, а не как впечатлительная девица, увидевшая призрака.

Маркус стоял посреди палатки, тяжело дыша. Запах ее кожи, смесь дорогого мыла и едва уловимого аромата озона, кружил голову.

— Я ненавижу вас, — прошептал он.

— Я знаю, — кивнула Белла. — Это нормально. Любовь делает людей глупыми. А мне в моей свите нужны умные. Иди.

Маркус вышел, пошатываясь.

Белла осталась одна.

Она подошла к небольшому походному зеркалу. На нее смотрела графиня ди Фальконе. Аристократка. Дочь герцога. Она подняла руку. На мгновение в полумраке палатки ее

кожа стала прозрачной, и под ней проступил сложный узор из пульсирующего оранжевого света — карта вен, по которым тек не гемоглобин, а чистая магия Пепельных пустошей.

Она закрыла глаза. Она чувствовала Гуго Мольнара, спящего в своем роскошном фургоне в десяти милях отсюда. Кольцо на его пальце было ледяным. Он видел сладкий сон о монополии. Она чувствовала Гарта, который стоял на часах у моста. Его сердце билось ровно и преданно. Он видел во сне новые знамена своего полка. Она чувствовала тракт. Каждая миля дороги от Астары до перевала теперь была частью ее нервной системы.

Белла открыла глаза. Золото в них больше не казалось человеческим.

— Спи, Гуго, — прошептала она в темноту. — Считай свои монеты.

Она задула лампу.

В палатке стало темно. Только глаза графини светились в ночи двумя тусклыми углями, подобно глазам зверя, охраняющего свое логово. Договор с купцом был заключен. Первая провинция ее личной, невидимой Империи была присоединена без единой капли лишней крови. Белла ди Фальконе улыбнулась в темноте. Она больше не ждала пожаров. Она научилась их организовывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.